

Подростки и «Илиада»

Продолжение. Начало в «ШТ» № 4, 5.

Осетинский Владимир Зиновьевич — преподаватель гимназии «ОЧАГ» (г. Харьков), E-mail: ilya@online.kharkiv.com

Курганов Сергей Юрьевич — преподаватель гимназии «ОЧАГ» (г. Харьков), E-mail: ilya@online.kharkiv.com

Эйдос героя

Целостность античной культуры определяется, по В.С.Библеру, идеями «эйдоса» («внутренней формы»), «акмэ» («вершины жизни, с которой видны и могут быть перерешены её начало и завершение») и оппозицией «космос» — «хаос». Общаться с античной культурой — значит общаться с личностью, понимающей мир (себя и других людей) в идеях акмэ, эйдоса, космоса.

Понять предмет в античной логике — значит представить его как внутреннюю идеальную форму, эйдос.

Понять предмет позволяет поэзия. С этой точки зрения «Илиада» есть эйдос античного героизма, гомеровский ответ на вопрос, что такое героизм, как был возможен героический мир и почему он погиб. Гомер *не рассуждает* о предмете, подобно писателю XIX века, и не раздумывает, подобно средневековому мыслителю, *о его месте, смысле и предназначении в божественном мироздании*. Гомер *рисует идею* предмета, его скульптурный образ. Не случайно «Илиада» написана гекзаметром, читатель не переносится в гущу событий, а отстранённо созерцает и постигает созданный образ.

Чтобы развить у подростков способность мыслить в античной логике, семиклассникам было предложено попробовать «увидеть» умо-зрением и описать скульптуру Героя, не конкретных Ахиллеса или Аякса, а Героя, очищенного от всего лишнего, случайного, сиюминутного, в момент наивысшего проявления.

Женя Манко

Вот он стоит и, мечом потрясая блестящим,
Всех призывает бороться с врагами ахейцев.
Шлем его блещет, как солнце полуденнояркое,
И весь он, грозный, в сердце врага страх безмерный вселяет.

Маша Донская

Вижу я эйдос героя, когда он в бою промышляет.
Бой, урагану подобный, кровавый нещадно бушует.
Вот и герой шлемоблещущий толпы врагов
поражает.
Солнце блистает на медных доспехах, копьё
медным жалом.
Вихрю подобен герой сей, когда ко врагу
подступает.

Оля Лейкехман

Вот перед нами герой. Он прекрасный молодой
воевода,
В левой руке со щитом и с блистательной пикой
в иной,
С кровью, кипящей в груди, и со взглядом,
пронзающим чрево.

В стихотворениях ребят нет глубокого понимания гомеровской идеи героического. Но своё— пусть пока поверхностное— понимание учащимся удалось воплотить в скульптурном

образе, используя поэтику Гомера.

Способность к эйдетическому постижению мира у подростков будет развиваться на протяжении всего «античного» года так же, как, двигаясь от Гомера к Платону и Аристотелю, их представление об эйдосах будет переосмысливаться и углубляться.

Замечания С.Ю. Курганова. К вопросу об эйдосах

Эйдос — это форма мышления, конструирование скульптуры, создание образа, но *образа идеи*. Изображение... понятия. Созерцание... смысла.

Стилизации детей хороши, но видят ли они, описывая героя, образ понятия героя? Осознают ли существующую в форме этого образа идею храбрости, красоты, хитрости, дерзости? Вряд ли. Чтобы научиться этому, необходимо проследить, как Гомер освобождает героя от всех остальных его качеств.

Герой и судьба

8-я песня, где Зевс на весах взвешивает жребии ахейцев и троянцев и таким образом узнаёт, кто победит, поставила на повестку дня новую проблему — герой и судьба.

Оля Дунаевская. Это похоже на то, как Осирис взвешивал души умерших и решал, куда попадёт человек после смерти.

Никита Цыганок. Это совсем другое! Осирис взвешивал грехи людей, а Зевс — их жребии. Осирис судит, а Зевс узнаёт судьбу.

Оля Дунаевская. Агамемнон принёс в жертву свою дочь, обидел Ахиллеса, поэтому Зевс наказывает ахейцев.

Никита Цыганок. Где это сказано, что Зевс наказывает? Зевс не наказывает, а узнаёт судьбу! Он ничего не может изменить в судьбе Агамемнона, её сплели мойры ещё до рождения героя.

Маша Донская. Кто же решает судьбу героя: мойры или боги? Мойры выплетают судьбу, но боги, мне кажется, способны её изменить. Зевс по просьбе Фетиды меняет ход войны.

Женя Манко. То, что Зевс поменяет ход войны, было с самого начала выплетено мойрами.

Тимур Охрименко. Я тоже так считаю. Иначе Зевс ничего не смог бы сделать, судьбу нельзя изменить.

Оля Лейкехман. Начало и конец жизни героя predeterminedены: Троя всё равно падёт, а Ахиллес погибнет. Но жизненный путь героя не столь строго регламентирован.

Никита Цыганок. Доказательства!

Оля Лейкехман. Зевс изменил судьбу Ахиллеса на маленьком участке его жизни, но ничего принципиально не изменилось.

Даша Апилат. Ничего себе не изменилось! Сколько людей погибло!

Саша Золотко. Гомера интересует только судьба героев. Он ничего не говорит о простых людях.

Учитель. Мне кажется, в споре вы точно уловили противоречие во взгляде Гомера на нашу судьбу. Она определена до рождения и ничто не в силах её изменить. Но тогда зачем просить богов о помощи? И почему наша судьба такова? Беды, которые мы переживаем, предписаны изначально и не зависят от наших достоинств и недостатков или всё же являются расплатой за наши (или наших предков) ошибки и преступления?

Рома Ключко. Я думаю, судьбу определяют Зевс и мойры. Мойры решают, каким будет финал, а вот всё остальное во власти богов.

Оля Лейкехман. Но почему мойры одному человеку плетут одну судьбу, а другому — другую?

Учитель. Очевидно, что у Гомера нет однозначного ответа. Будем считать, что это вопросы, заданные нам греками.

Я хотел бы обратить ваше внимание на продолжение 8-й песни. Зевс узнал жребий ахейцев и мечет в них молнии. Ахейцы понимают, что это значит, и в ужасе бегут: сопро-

тивляться бессмысленно, судьба боя predetermined. На месте остаются лишь Нестор (он не может бежать, его конь убит) и Диомед, который *не хочет* бежать. Диомед призывает Нестора на свою колесницу и устремляется на троянцев. Зачем он это делает?

Юра Пащенко. Он страшно боится показаться трусом, для него лучше смерть, чем позор. Да и пути назад нет. Что сделано, то сделано.

Женя Манко. Диомед задумал изменить судьбу, но Зевс не позволяет ему это сделать, три раза бросает в героя молнию.

Света Савочка. Зевс боится, что Диомед изменит судьбу. Наступит хаос! Лошадь превратится в собаку! Титаны выйдут из-под земли!

Катя Слюсарева. Но боги же знают, что судьба predetermined.

Саша Золотко. А вдруг? Может быть, боги и существуют для того, чтобы охранять судьбу.

Учитель. В гомеровском языке есть несколько слов для обозначения судьбы, среди них— «мойра» и «айса», то есть «часть» и «доля». В русском языке судьбу тоже часто именуют *долей* или *участью*. У каждого своя участь. Учёные связывают это с древнейшей практикой дележа добычи племенем. Традицией или жребием заранее определено, кто какую часть добычи получит. Что будет с племенем, если воины будут претендовать на чужую долю, превышать свою у-часть?

Предопределение и выбор судьбы. Гнев героя. Безрассудность

Учитель. Судьба героя predetermined, но в 9-й песне Ахиллес говорит о своём *двойном жребии*. Оказывается, у него есть выбор. Герой знает о двух вариантах своей судьбы, его глаза открыты. Он говорит о ценности жизни, но после гибели Патрокла выбирает смерть. Почему? Мы встречали похожую ситуацию: Гильгамеш потрясён смертью друга не меньше, но реакция героев абсолютно разная. Гильгамеша гибель Энкиду ужасает и толкает на поиски бессмертия. Ахиллес, напротив, ищет смерти.

Саша Золотко. А зачем ему жить? Из-за него погиб Патрокл. Он чувствует свою вину и хочет её искупить.

Стасик Андренко. А возможно, Ахиллес не может смириться с тем, что Гектор, убив Патрокла, лишил его славы. Ведь слава для Ахиллеса важнее жизни.

Оля Лейкехман. Убит лучший друг, Ахиллес жаждет отмщения. Им движет любовь к другу.

Учитель. Но не христианская любовь, которая призывает прощать врагов, а любовь, смешанная с отчаянием и злобой, заставляющая мстить...

Никита Цыганок. Ахиллес ринулся в бой, потому что обезумел от горя, впал в «свирепство».

Маша Донская. Он впал в «свирепство» не тогда, когда узнал о смерти Патрокла, а тогда, когда Фетида принесла ему доспехи.

Учитель. В то время как простые воины испытывали страх, Ахиллес наполнялся гневом. Его гнев был смешан с радостью. Возможно ли это?

Никита Цыганок. Гнев бросает героя в бой, поэтому Ахиллес радуется этому чувству.

Учитель. Похоже, гнев — ключевое слово в «Илиаде». О нём поёт Муза, о нём рассказывает Гомер. Гнев героя — неистовая, не знающая меры, клокочущая ярость.

Никита Цыганок. Гнев — главная движущая сила эпоса и высшее проявление героя. Ахиллес — сосуд, наполненный гневом. Как только он вырывается наружу, герой впадает в безумие и нападает на богов.

Из записей в тетрадах:

Лена Храпуненко. Что такое гнев героя?

Герой в гневе, как одичавшая кошка в драке с собакой. Он силен, как Зевс во время ме-

тания молний. Стремителен, как ураган или смерч, грозен и неукротим.

Юра Пащенко. Гнев

Гнев довольно часто овладевает героем. В гневе он сравнивается с богами, может не только одержать верх над любым противником, но и изменить свою судьбу. Без гнева герой ничто.

Иланда Карацева. Гнев героя

В гневе герой теряет рассудок, перестаёт себя контролировать и осознавать происходящее, совершает убийства и кровопролития. Героический мир буен.

Яростно-безрассудный гнев героя сносит на своём пути все преграды, внушая страх не только людям, но и богам. В пик своего безрассудства герои способны свергнуть с пьедестала саму Судьбу, раскрыть недостойным её тайны, нарушить священный порядок и покой мироздания.

Замечания С.Ю. Курганова. О метафоре и эйдосе

У фразы «герой наполняется гневом» нет никакого другого значения, кроме буквального: гнев обрушивается на героя и овладевает им. Мы можем представить это, увидеть идею гнева, как пластический образ. Значит, «герой наполняется гневом» — *эйдос*. «Гнев переполняет героя» — *метафора*. Метафора *украшает речь*. Мы понимаем, что нет никакого сосуда и жидкости, но используем слово «переполняет» в переносном смысле, усиливая образ.

Но всё же «герой наполняется гневом» — это ещё *не вполне эйдос*. Чтобы стать эйдосом, необходимо быть *образом идеи* гнева. Эйдос гнева — это ответ на вопросы: «Что есть гнев?», «Как он возникает?», «Как удерживается?»

Эйдетическое мышление развивается на основе образного, метафорического восприятия ребёнка. В античном классе ученик переходит от метафоры к эйдосу, от образного восприятия к построению образов своих мыслей.

Мало сказать, что эйдос гнева — чёрный клубящийся дым. Пока это только удачная метафора. Необходимо довести этот образ до эйдоса. Так, чтобы все особенности гнева были поняты как чёрный дым или что-то другое, чем наполняется герой.

Гнев — высшее проявление героя. В точке акмэ герой становится гневом. Он — эйдос гнева, образ идеи гнева. Гомер показывает, как герой из обычного человека превращается в гнев (как Зевс становится молнией или весами).

Ни один детский образ гнева не доведён до эйдоса: ни гнев — песок, ни гнев — чёрный дым, ни гнев — жидкость. Чтобы довести до эйдоса эти метафоры, необходимо вообразить гнев живым существом, овладевающим героем, представить во всех деталях процесс превращения героя в гнев. И не как в сказке, где превращение происходит в одночасье, без предварительных этапов (Царевна-Лебедь обращается девушкой, Финист-Ясный Сокол — молодцем), а как в эпосе, где подробно изображается, как всё иное в герое угасает, и он становится гневом. Только мысленно выстраивая превращение героя в гнев можно ответить на вопрос о том, что есть гнев. И только это и называется эйдосом гнева.

Герои и боги

К тому времени, когда учащиеся обратились к заключительным песням «Илиады», практически все они освоили язык эпоса. «Илиада» нравилась подросткам всё больше, и они предложили устроить конкурс чтецов Гомера. Каждый выучил наизусть фрагмент эпоса; победитель был награждён венком из лавровых листьев.

Обсуждая песни 20–22, внимание школьников было обращено на композицию «Илиады»: битва богов оказывается не кульминацией эпоса, а прелюдией к истинной кульминации, битве героев, поединку Ахиллеса и Гектора. Герои, а не боги оказываются в центре гомеровского мироздания.

Антон Бочкарёв. Гомер пишет о героях уважительно, о богах — уничижительно. Боги всё время дерутся и ссорятся между собой, называют друг друга «мухами», «псицами».

Серёжа Широкопад. Одна из богинь бьёт Артемиду по ушам!

Лена Храпуненко. А потом Артемида, как маленькая девочка, сидит на коленях Зевса, плачет и жалуется.

Учитель. Афина признаёт, что герои мужественнее богов!

Саша Золотко. Конечно, герои смелее богов. Никто из богов не набрасывается на Зевса, а герои всё время атакуют.

Света Савочка. Я думаю, жизнь героя интереснее, чем жизнь бога. Богам не нужна слава. Они наделены ею с самого рождения, а герои жаждут обрести её в поединке с сильным противником.

Алёша Попроцкий. Боги завидуют героям, их наполненной до краёв, яркой жизни.

Иланда Карацева. Боги боятся героев, герои не боятся никого. Герои — смертны, но бесстрашны, боги бессмертны, но трусоваты. Богов спасает бессмертие. Героев подстёгивает смерть.

Герои стремятся прыгнуть выше головы. Они воюют не с богами, а с роком! Боги для них — очередная преграда на пути к славе. Герои добиваются того, чего хотят, и, ступив в запретную зону, погибают.

Боги не властны над судьбой, не владеют своими чувствами, ссорятся из-за смертных... В их поведении и помыслах нет величия.

Замечания С. Ю. Курганова. Почему боги становятся героями?

Хаос угрожает Космосу в двух случаях: когда герой нарушает свою судьбу и когда боги начинают воевать между собой.

Логика второго варианта возможной гибели Космоса на уроках-диалогах не обсуждалась.

Как боги вступают в битву? Почему сражаются друг с другом? Способны ли остановиться?

Поединок Ахиллеса и Гектора. Ценность красоты

22-я песня, описывающая поединок Ахиллеса и Гектора, вызвала спор о том, на чьей стороне симпатии Гомера.

Алёша Попроцкий. Я очень переживал, когда Гектор убежал от Ахилла! Надеялся, что убежит...

Катя Александрова. Если бы не Афина, он бы спасся. Афина ведёт себя подло.

Лена Храпуненко. Когда Ахилл убил Гектора, мне показалось, что Гомер стал его ненавидеть.

Оля Лейкехман. Я много раз перечитывала начало, Ахилл казался мне благородным, теперь я вижу: он злобен.

Маша Донская. В гневе герой способен на всё. Поэтому боги и боятся героев.

Соня Вальшонок. Я не согласна, что Гомер ненавидит Ахиллеса. Это не просто — убив соперника, самому искать смерть!

Учитель. Пока вы говорите о своём отношении к героям. Если мы хотим понять позицию Гомера, нужно найти её в тексте.

Маша Донская. Гомер говорит, что «Ахиллес недостойное дело замыслил!» Он осуждает Ахиллеса!

Соня Вальшонок. Гомер никого не ненавидит, он — зритель.

Марина Бугай. Нет, зрители — боги, они сидят и любят, а Гомер симпатизирует Гектору!

Саша Халанский. А я думаю, что Гомер за Ахиллеса, ведь он — главный герой! Гомер сравнивает Гектора с драконом.

Алёша Попроцкий. Если Гомер сравнивает Гектора с драконом, это не значит, что он ругает Гектора.

Учитель. Обратите внимание на то, как построен рассказ о поединке. В самый напря-

жённый момент погони Гомер прерывает повествование и долго описывает источники горячей и холодной воды, рассказывает, как когда-то прекрасные троянки мыли здесь одежды...

Аня Бабиченко. Это делается для того, чтобы усилить наши чувства, заставить сопоставить мирную жизнь и войну.

Учитель. Песня начинается и заканчивается плачами. Начинается с плача Приама и Геккубы, предчувствующих свою судьбу, и заканчивается плачем Андромахи, как бы уже знающей судьбу своего сына.

Оля Лейкехман. Это написано потрясающе. Мы уже знаем, что Гектор погиб, а Андромаха нет. Она готовит Гектору тёплую ванну, но предчувствует беду: волнуется, дрожит. Фразы короткие, перепрыгивают с одной строки на другую, обрываются...

Маша Донская. Она как будто видит, как Ахиллес убивает Гектора.

Даша Апилат. Красота для греков — почти самая важная вещь. Все герои были красивы. Все стремились умереть молодыми.

Аня Бабиченко. Ахиллес уродует труп Гектора, привязывает его к колеснице и тащит по грязи.

Замечания С.Ю. Курганова. Театр и стадион

Обсуждая поединок Гектора и Ахилла, дети обсуждали возможность мудрой, созерцательной позиции невмешательства, т.е. возможность вневмешательства, что было связано с предшествующим обсуждением битвы богов, возникшей из-за вмешательства бога в судьбу героя.

Судьбы героев предрешены. Рождённые от богов и смертных, они должны разыгрывать свою жизнь перед лицом зрителей.

Так поначалу и строится «Илиада». Но в ходе спектакля страсти героев распалются, они «выходят из роли», начинают разрушать божественный порядок.

Видя это, боги-зрители вмешиваются в происходящее, становятся не только богами, но и героями. Их некому остановить, на них некому смотреть. Действие лишается пластического образа, который строит не участвующий в битве зритель. Античный космозированный мир эйдосов превращается в Хаос. Космос возможен тогда, когда есть яростные безумцы и статичные созерцатели, подражающие гневу, видящие гнев, создающие его, но сами — не гневующиеся.

Битву богов никто не видит со стороны, богов некому оценивать.

Потеря вневмешательства приводит к разрушению трагедии как формы бытия античного мира. Все становятся героями. Некому мыслить — все действуют.

Эта же проблема возникает и при обсуждении детьми отношений «автор — герой». Гомер создаёт своих героев и занимает по отношению к ним позицию спокойного созерцателя. Это трудно. Как трудно богу не вмешаться в действия героя, когда тот пытается изменить свою судьбу.

Читательские отклики подростков далеки от спокойной, мерной речи Гомера. Острые, отрывистые реплики, яростно-бушующие выкрики: «Ну, давай!»... Алёша Попроцкий на грани потери позиции читателя. Он почти вошёл в круг героев, уже кричит, как они. Ещё немного, и он станет героем описываемого действия, вместо того чтобы спокойно его созерцать.

На стадионе зрители так себя и ведут: кричат, скандируют и даже, бывает, срываются с трибун, разрушая спектакль-соревнование.

Гомер, как автор, ведёт себя иначе. Он создаёт спокойный, мелодичный, мерами растущий и ниспадающий ритм речи, который удерживает его от слияния с героями, позволяет держать дистанцию для видения, слышания, спокойного понимания происходящего.

Оля Лейкехман, Маша Донская и Соня Вальшонок, читая Гомера, сохраняют позицию отстранённого зрителя, читателя, пытаются строить эйдос.

Таким образом, можно предложить две схемы прочтения «Илиады».

Первая схема. Вообразим окружность, в центре которой сражающиеся античные герои.

Окружность — это граница между героями и зрителями. Зрители располагаются за окружностью. Окружность — речь Гомера, удерживающая читателя в позиции «божественного созерцания». Это — речь, позволяющая строить эйдос героя, размышлять, испытывать эстетические (эйдетические) переживания. Это речь свидетеля, судии, мыслителя, «равнодушной природы». Речи читателей подобны речам Гомера, рассудительны и созерцательны. Они доводят образы Гомера до эйдоса героизма, занимают позицию божественного зрителя в театре.

Вторая схема. Та же окружность и те же герои в центре. Но читатель прорывается сквозь божественный гекзаметр и максимально приближается к героям. Речи читателя экспрессивны, отрывисты. Он занимает позицию болельщика на стадионе.

Обе позиции интересны.

Боги Олимпа по отношению к битве героев тоже могут занимать эти две позиции: «божественно-созерцательную» и «спортивно-участную».

Вначале боги созерцают, не вмешиваются в действия героев. Их речи величественны и эпичны. Затем азартно втягиваются в спектакль. Созерцание теряет божественные черты. Боги болевают битвой героев, становятся пристрастными болельщиками. И это изменяет форму зрелища. Театр превращается в стадион. Трагедия — в соревнование. Речи богов становятся речами соучастия. От речей соучастия боги-болельщики переходят к прямому участию в битве.

Есть две возможности: подражать действию героя и удерживаться от участия в действии.

Можно занять позицию театрального зрителя. Тогда герои-актёры будут обмениваться речами. Можно занять позицию зрителя на стадионе. Тогда герои-бойцы будут обмениваться ударами.

Переходя от обмена крылатыми речами к обмену ударами мечом или копьём, герои подстрекают зрителя, выбивая его из позиции «божественного созерцания», заставляют болеть, испытывать боль.

Обе формы — театр и стадион — важны в «Илиаде».

Наивность позиции подростков-читателей отчасти конструируется Гомером: изменение ситуации, переход героев от «крылатых речей» к кровавым действиям заставляет их страдать и болеть. Но излечивающий ритм гомеровской строфы и особое содержание, отстраняющее читателя от битвы, позволяет, пережив сострадание и боль, вновь обрести позицию «божественного созерцания».

Жизнь как состязание. Точка «акмэ»

Новый виток диалога начался с вопроса Саша Халанского, который не мог понять, зачем герои воевали, если их судьба была predetermined и изначально было известно, что Троя падёт на 10-й год.

Казалось, вопрос обсуждён и ответ ясен. Но подростки активно включились в разговор и высказали новые, интересные идеи, доказав, что возвращение на новом витке к уже, казалось бы, решённым проблемам очень продуктивно.

Саша Золотко. Герои воюют не для того, чтобы победить в войне, ибо знают, что Троя погибнет. Они воюют, чтобы прославиться.

Света Савочка. Обрести славу можно в поединке с сильным героем или богом.

Алёша Попроцкий. Для античного героя позор сражаться со слабым.

Саша Халанский. Но Ахилл же сражался с Гектором, а Гектор слабее!

Алёша Попроцкий. Ахилл сражается и убивает *вождя!*

Света Савочка (запись в тетради). Жаждающие славы герои сражаются с признанными героями, стремясь отобрать у них обрётённую в боях славу и присвоить себе.

Тимур Охрименко (запись в тетради). Совершив незаурядный поступок, герой не останавливается, он стремится упрочить свою славу, продолжает сражаться, однако рано или поздно погибает. Чаще всего тогда, когда вступает в борьбу с богами.

Аня Бабиченко. Все персонажи «Илиады» — герои, все бегут к славе, но Ахилл обретает

её первым, ибо жаждет её больше других.

Учитель. Мне кажется очень точным образ поединка, войны, жизни античного героя как состязания. Вспомните, как описана погоня Ахиллеса за Гектором.

Аня Бабиченко. Как состязание на стадионе.

Учитель. Или на арене. Известно, что греки состязались во всём. Состязались воины, атлеты, ораторы, авторы трагедий. Сохранилась легенда о состязании Гомера и Гесиода.

В 23-й песне описаны погребальные игры по Патроклу, в которых участвовали все ахейские вожди, соревнуясь между собой в беге, кулачном бое, метании копья, стрельбе из лука и т.п. По рождению они были равны, и выяснить, кто из них «героичнее», могли, только состязаясь друг с другом. А вот ни у египтян, ни у вавилонян никаких состязаний не было.

Антон Бочкарёв. Не будет же фараон состязаться с купцом. Он и так знает, что он — сын бога.

Учитель. Состязаться могут только равные. Муравей не состязается со слоном, купец с фараоном. Если Гомер видит мир похожим на стадион, то люди Древнего Востока видят мир похожим на пирамиду, в которой у каждого — изначально и навсегда — своё место.

*мир как мир как
стадион пирамида*

Саша Золотко. Это можно нарисовать так:

У греков есть лестница, по которой можно подняться на вершину пирамиды, а у египтян на этой лестнице провалы, и выше провала не подняться.

Саша Халанский. Я не согласен, ведь герои не могут стать богами. И не согласен с тем, что соревноваться могут только равные. Герои же не равны богам. Они смелее богов, но слабее их.

Даша Апилат. Однако Диомед победил Афродиту! Значит, на миг сравнялся с богами. А вавилоняне даже никогда не пытались этого сделать.

Геля Канкава. Как это не пытались?! А Гильгамеш? Он же оскорбил Иштар и победил Быка!

Даша Апилат. Он не пытался сравняться с богами, он искал бессмертие.

Женя Шестёркин. Искать бессмертие — это и значит пытаться сравняться с богами.

Даша Апилат. Он хотел не сравняться, а приравняться к богам.

Учитель. А в чём разница?

Саша Золотко. Сравняться — навсегда, приравняться — на одно мгновение.

Учитель. Так Гильгамеш искал бессмертие на мгновение?

Рома Клочко. Сизиф закатывал камень на гору, и тот сразу падал. Но одну секунду Сизиф всё же был наверху. Так и герой. Он всё равно проиграет богу, но в момент битвы равен ему.

Аня Бабиченко. Это главный момент в жизни героя, ради него он живёт.

Учитель. Греки называли этот момент точкой «акмэ» (ясности). В этот момент человек совершает свой главный поступок и решает свою судьбу.

Марина Бугай. Это как экзамен на звание героя.

Юра Пащенко. Но чем выше герой забирается, тем ниже падает, скорее умирает.

Маша Донская. Как Беллерофонт. Он пытался забраться на Олимп, но боги его сбросили на землю и покалечили.

Учитель. Это замечательный образ, в нём воплощена идея античного героя и закон героического существования. Беллерофонт оседлал Пегаса и изготовился к прыжку. Через

мгновение он взметнётся к Олимпу, будет сброшен богами и на всю жизнь останется хромым и слепым... Я могу представить это как скульптуру. Вот эйдос героя, античный ответ на вопрос, что такое герой.

Оля Лейкеман. Мне кажется, эйдос героя — это Ахиллес, мчащийся на бой с Гектором. Он выбрал свою судьбу и готов броситься на противника.

Учитель. Я думаю, лучше изобразить Ахиллеса в момент, когда он совершает свой выбор. Он смотрит на оружие и наполняется неистовым гневом. Он ещё не вступил в бой, замер, но ещё секунда и бросится навстречу Гектору. Тогда этот образ становится воплощением самой идеи героизма: герой — тот, кем *владеет гнев*, кто *сам выбирает* свою участь.

По мнению В. С. Библера, идеи «акмэ» и «эйдоса» — важнейшие идеи античной культуры. Обе они оказались необходимы для понимания «Илиады». Но если понятие «эйдоса» было предложено учителем, то на представление о моменте «акмэ» подростки вышли сами в процессе осмысления гомеровского эпоса.

К проблематике момента «акмэ», лишь намеченной в диалогах о «Илиаде», учащиеся вернутся на новом витке размышлений об античности — на уроках, посвящённых греческой трагедии.

В трагедии момент «акмэ» становится предметом изображения, точкой перелома, узнавания, действием, вызывающим сострадание и страх.

В момент «акмэ» в сознании трагического героя, который до этого жил в полутьме, вспыхивает свет, и он видит свою жизнь, прошлое и будущее.

Для Агамемнона в трагедии Эсхила «Орестея» точкой «акмэ» становится день, когда он решает принести в жертву богам свою дочь. В этот день он ясно понимает истинный смысл своего прошлого и видит своё и своих потомков будущее, осознаёт свою судьбу и её место в судьбе рода Атридов.

Судьба героя и её место в судьбе Космоса предопределены. Судьба не может быть справедливой или нет, она есть, и дело героя достойно её принять и исполнить. И в то же время в точке «акмэ» герой должен сам решить свою судьбу и судьбу Космоса. Ведь именно от решения Агамемнона зависит, будет ли предопределённая судьбой (!) Троянская война. Герой должен принять на себя ответственность за поступок, его последствия, за всё, что будет с ним, его потомками, Космосом.

Особенностью трагической ситуации является то, что герой должен выбирать не между добром и злом, правдой и неправдой. Любое решение Агамемнона оказывается «неправильным». Как бы герой ни поступил, его действие будет преступлением, и проклятие за это преступление ляжет на него и его потомков. Герой оказывается в ситуации «амехании» — необходимости действовать при невозможности действовать.

На уроках, посвящённых греческой трагедии, семиклассники познакомились с фрагментами статьи А. Ахутина*. Обсуждение мыслей исследователя, анализ «акмэ» трагического героя вернули подростков к размышлениям об «акмэ» героя эпического. Насколько осознан поступок Ахиллеса? Была ли ситуация, в которой он оказался, ситуацией трагического выбора? Не являются ли действия Ахиллеса действиями по правилам эпического героизма?

* См.: Ахутин А.В. Открытие сознания (древнегреческая трагедия) // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990.

Единогласия не было, но идея «акмэ» и возможность «акмейного» понимания жизни заинтересовали подростков.

Почему «Илиада» заканчивается описанием похорон Гектора

В последней, 24-й песне «Илиады» повествуется о том, как старец Приам приходит к Ахиллесу и молит его отдать тело Гектора. Приам напоминает Ахиллесу о его собственном старике-отце, и они вместе плачут. Приам оплакивает Гектора, Ахиллес — отца и Патрокла.

Сцена совместного плача, примиряющего врагов, — одна из самых известных сцен

«Илиады». Но в диалогах 1997 года не она привлекла внимание семиклассников. Подростков заинтересовало, почему «Илиада» так странно заканчивается: описанием похорон Гектора, хотя главный герой — Ахиллес.

Аня Бабиченко. В «Илиаде», как в греческом искусстве, полная симметрия: два главных героя Ахиллес и Гектор. В начале книги говорится об Ахиллесе, а в конце — о Гекторе.

Женя Шестёркин. Неважно, кого хоронят. Главное, что в конце «Илиады» *похороны*, а не свадьба. Это прощание с героическим миром.

Даша Апилат. «Илиада» — книга о гневе Ахиллеса, главный герой эпоса — Гнев. В конце мы видим, к чему он приводит.

Алёша Попроцкий. «Илиада» похожа на судьбу героя. Гнев, как герой, поднимается на гору и падает вниз.

Усмирение хаоса героических страстей, восстановление меры, гармонического космоса становится концом героического мира.

В течение «античного» года понимание учебным сообществом античного героизма будет проблематизироваться, уточняться, усложняться. Во время работы над трагедиями Софокла подростки встретятся с диалогом двух идей эллинского героизма: героизмом как попыткой преодолеть судьбу и героизмом принятия своей судьбы.

В 8-м («римском») классе учащиеся обнаружат противостояние греческой и римской идей героизма, героизма Ахиллеса и Энея.

Сочинения

Работа над книгой заканчивается тем, что школьники создают *учебные произведения*, в которых осознают и выражают своё прочтение эпоса, вступают в диалог с его автором.

Почти все учебные произведения, созданные «в ответ» «Илиаде», были написаны в жанре сочинений-размышлений. Самыми популярными темами оказались тема *гнева в «Илиаде»* и проблема *гибели героического мира*. Приведём несколько сочинений семиклассников и небольшие фрагменты обсуждения.

Оля Лейкехман. Герой и гнев в «Илиаде» Гомера

«Оглянись во гневе»

Я впервые взяла в руки «Илиаду» и невольно отвернулась, увидев 400 страниц абсолютно непонятного и странного текста. Но когда прочла первые строки:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий
соделал», —

все мои страхи перед довольно объёмной и непонятной книгой рассеялись. Каждая строчка в «Илиаде», как луч солнца. Одни сомнения и вопросы рассеивает, другие задаёт.

Первый такой вопрос вызвало слово «гнев». Что такое гнев? Об этом я спрашиваю себя и сейчас, когда дочитала «Илиаду». В тот момент гнев показался мне страшным. Он исходил от Ахиллеса, ещё окутанного пеленой тайн. Но я сразу догадалась, что Ахиллес — великий герой, и гнев неразлучен с ним, он часть греческого героя.

Но тут же возник новый вопрос, наверное, самый важный после прочтения «Илиады». Кого Гомер считает героем, что вкладывает в это понятие?

В моём представлении герой всегда ровный и спокойный. Решения и поступки его тверды и правильны. Он защищает слабых и обиженных, он не кровожаден и очень красив.

Для Сильвио из «Выстрела» А.С. Пушкина герой — «блистательный» человек, имеющий «молодость, ум, красоту, весёлость, самую беспечную храбрость, громкое имя, деньги».

Гомер бы назвал «блистательным» героя прекрасного, справедливого, храброго, с «кроткою душою», какая была у Гектора, воина, полного решимости и гнева. Но гнев этот герой должен контролировать. Когда Ахиллес:

«... к граду с решимостью гордой понёсся,

Бурный, как конь с колесницей, всегда
победительный в беге,
Быстро несётся к мете, расстилаясь по
чистому полю»,
перед нами настоящий герой — прекрасный, могучий, непобедимый.
Гнев преображает Ахиллеса, делает беспощадным:
«Тщетно ты, пёс, обнимаешь мне ноги
и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал
бы на части,
Тело сырое твоё пожирал бы я, то ты мне сделал!
Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в двадцать и десять
крат мне
Пышных даров привезут, столько же ещё
обещают.»

Разве это герой? Настоящий герой не может сказать, а тем более сделать такое. Это «грабитель», «муж, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца всякую жалость отверг и, как лев, о свирепстве лишь мыслит».

Ахиллес укротил свой гнев, но в моих глазах его подвиги и слава померкли. Может быть, гнев— порок? Нет. Это чувство движет Героями, толкает их на великие подвиги. Однако гнев может быть праведным и чёрным. Прежде чем сделать что-то, подумай.

Из обсуждения

С. Курганов. Гнев и герой борются в «Илиаде». Нельзя сказать, что Ахиллес — эйдос гнева. Когда гнев *переполняет* героя, нарушается *мера*, герой перестаёт быть прекрасным, равным себе, уравновешенным, «блистательным».

Учитель. Но разве не гнев делает гомеровского героя героем?

Оля Лейкехман. Я всё-таки думаю, что есть два гнева: белый и чёрный.

Маша Донская. Герою нужен не чёрный гнев, а серенький дымок возбуждения.

Учитель. Разве Ахиллес, когда видит доспехи, наполняется сереньким дымком? Только ураганный гнев делает героя героем!

Маша Донская. Ураганный гнев делает Ахиллеса не героем, а львом.

Никита Цыганок. Почему героический мир должен был погибнуть?

Чтобы понять, почему погиб героический мир, нужно выяснить, что это был за мир. Это был мир, полный опасностей, где властвовали сила и красота. Но всё здесь было предопределено: герои могли противостоять богам, но неизменно проигрывали им. Боги могли поддаться минутному порыву, но не вольны были делать то, что хотели. И над теми, и над другими властвовала судьба.

Боги и герои — красивые, сильные, умные, изворотливые, но герои смертны: за короткую жизнь им нужно успеть везде побывать, всё узнать, оставить о себе память... В апогее славы они шли против богов и самой судьбы. Ещё чуть-чуть, и мир бы не выдержал, «лопнул по швам»... Героический мир должен был умереть ради сохранения мироздания.

Из обсуждения

Оля Лейкехман. Это как два шарика, один внутри другого. Первый настолько вырос, что может взорвать второй.

Соня Вальшонок. Это можно нарисовать так:

Существует большая разница между Библией и «Илиадой». Бог создал людей, он всегда был и будет главным. В «Илиаде» этой чёткости нет. Боги создали героев и боятся их.

Марина Бугай. Этот внутренний шарик наполнен кипящим гневом. Он может взорваться и уничтожить космос.

Женя Манко. Боги сделали дырочку в шарике, и он лопнул. Этой дырочкой была Троянская война.

Марина Бугай. От шарика остался лишь лоскуток, точка.

Соня Вальшонок. Эта точка — «Илиада»...

Катя Пашинова. Почему погиб героический мир

Когда-то давно существовал прекрасный героический мир, жили герои. Но они исчезли. Почему? На этот вопрос нельзя однозначно ответить, причин несколько.

Одна из них кроется в том, что герои, почувствовав себя сильнее и могущественнее богов, решили занять их место на Олимпе. Естественно, богам это не понравилось, и они уничтожили героев.

Мы прочитали «Илиаду», «Теогонию», начали «Одиссею», и везде героям не сиделось на месте, они всё время с кем-то боролись и в конце концов перебили друг друга.

Большинство героев произошло от богов. Чаще всего у них была смертная мать и бессмертный отец. Но со временем герои стали обыкновенными людьми. Героев и подвигов было много, к ним привыкли, перестали замечать.

Наверное, спустя тысячелетия мы, люди, тоже станем физически несовершенными, а друг друга не замечаем уже и сегодня.

Из обсуждения

Марина Юдина. Я не согласна с тем, что героический мир погиб! Он живёт в книгах и будет жить там всегда!

Даша Апилат. Почему героический мир погибает

Мне кажется, что героический мир погиб потому, что герои, совершив множество подвигов, добились того, чего хотели, — славы. Добившись цели, можно и умереть.

В героическом поколении совершаются великие подвиги. В историческом поколении они воспеваются. Это то время, когда к героям приходит настоящая слава.

Сочинения школьников, их развёрнутые высказывания о книге зачастую оказываются не итогом работы, а репликами, выводящими учебное сообщество на новый уровень диалога с автором. Пока идёт работа над книгой, ученики выдерживают роль «понимателей» чужой речи, ведут спор, но это, как правило, спор не с автором книги, а диалог читателей, направленный на понимание произведения. Когда книга прочитана и осознана как целостное высказывание Другого, у учащихся появляется желание и возможность вступить в спор с автором или свести автора в диалог с другим историко-культурным собеседником.

Так, например, Оля Лейкехман в приведённой работе «Герой и гнев в «Илиаде» Гомера» говорит о трёх образах героя: собственном, пушкинском и гомеровском. Сочинение Оли может быть прочитано как ответ Гомеру. А значит, в нём — пока как возможность — содержится диалог девочки с античным собеседником. Задача учителя — разглядеть эту возможность, помочь гипотетическому диалогу развернуться. Чтобы превратить монологические высказывания школьников в диалог, нужно дать им слово, предложить подумать над тем, «Что бы ответил Гомер Оле (и Пушкину)?».

«Илиада» и «Энеида»: два образа античного героизма и судьбы. «Правда» Энея и Дидоны

При обсуждении последующих произведений школьники часто обращались к «Илиаде». В 8-м («римском» и «средневековом») классе «Энеида» Вергилия была прочитана ими, как ответ на «Илиаду». Подростки постоянно сопоставляли поэтику и мирозерцание Гомера и Вергилия.

Судьба и боги предназначили герою вергилиевского эпоса троянцу Энею стать основателем Римской державы. Повинуясь велению богов, Эней оставляет горящую Троию, а затем и влюблённую в него карфагенскую царицу Дидону.

Оля Лейкехман. Эней абсолютно покорен судьбе в отличие от героев Гомера.

Саша Золотько. У Гомера Эней остался бы в Трое.

Учитель. И Рим не был бы основан.

Оля Конева. Дидона не понимает, что Эней покорен судьбе. Она его обвиняет...

Маша Донская. Дидона всё понимает! Тут, как в трагедии, столкновение двух «правд»: «правды» Энея и «правды» Дидоны.

Никита Цыганок. Дидона — первый человек, нарушивший судьбу. До неё этого никому не удавалось. Римляне полагают, что судьбу можно изменить. В этом их отличие от греков.

Учитель. Героизм Диомеда или Патрокла в том, что они, пылающие гневом, чуть не поступают «вопреки судьбе». Героизм Ахиллеса в том, что он выбирает свою судьбу: славу и скорую смерть... В чём же героизм Энея? Он покидает родной город, оставляет любимую женщину...

Никита Цыганок. Он тоже выбрал героическую судьбу, основал Рим — вот его подвиг.

Женя Манко. Это всё-таки римлянин, а не грек Ахиллес! Он сражается не за славу, а за общее дело.

Маша Донская. Эней покоряется судьбе — это и есть подвиг! Он хочет умереть за Троию, но идёт против своих желаний!

Оля Лейкехман. У Гомера герои идут против богов, а Эней — против своей любви.

Оля Конева. Эней хочет поступить по-другому, но не может. К нему всё время являются боги, говорят, что он должен делать, приказывают. Дидону боги не трогают. Эней — игрушка богов, Дидона — невольная жертва. В отличие от Энея она сама выбрала свою судьбу.

Марина Юдина. Когда Дидона покончила с собой, это была её точка акмэ.

Оля Лейкехман. Уходя из жизни, она ясно видит будущее, предсказывает войну Рима и Карфагена, страдает. Точка акмэ — всегда пик страданий.

Оля Конева. Дидона — это эйдос любви и страдания. У Гомера ничего подобного не было.

Оля Лейкехман. Гомеру важна красота мира, Вергилию — чувства героев. Поэтому действие у Гомера развивается медленно: он любит происходящим, описывает доспехи героев, детали боя. Вергилий на подобные вещи не отвлекается, описывает только чувства героев.

Соня Вальшинок. Чувства и действия.

Аня Бабиченко. Гомеру важно вызвать восхищение, Вергилию — сострадание.

Учитель. Но в чём же всё-таки героизм Энея? Маша высказала интересную мысль о том, что подвиг Энея в том, что он покоряется судьбе. Так ли это?

Юля Шемет. Маша говорила, подвиг Энея в том, что он пошёл против своих желаний! В «Энеиде» показан дух римлянина, то, каким он должен быть.

Учитель. Эней — образец для подражания? Мне кажется, в «Энеиде» нет поучения. Эней оказывается в ситуации трагического выбора, подобно Эдипу или Антигоне. Любое его действие будет ошибкой и приведёт к непоправимому: или погибнет Дидона, или не будет основан Рим.

Оля Лейкехман. А я согласна с Юлей, это книга поучительная. Эней идёт против своей воли. Для него не так важна собственная жизнь и жизнь Дидоны, как воля богов.

Женя Манко. Дидона была ловушкой для Энея. Судьба расставила у него на дороге

препятствия, которые он должен был преодолеть.

Юля Шемет. Римский герой идёт против себя, топчет свои чувства. А греческий говорит: я хочу пойти туда, и я пойду, несмотря ни на что.

Учитель. Да, это интересная мысль. Ахиллес никогда не сдерживал свои чувства, он полностью отдавался своим желаниям и воле.

Катя Пашинова. Трудней пойти против себя, своих чувств, чем против судьбы.

Женя Манко. Римские герои — это люди, избранные богами. У них есть миссия, им приходится преодолевать судьбу, отказываться от человеческого счастья. Эней должен соответствовать предназначенной ему судьбе. Ахиллес и Эней — это два эйдоса героизма, греческий и римский.

Никита Цыганок. У греков судьба — заведённый кем-то когда-то механизм, он движется сам по себе. Судьба обязательно исполнится, поэтому пойти против неё — героизм. У римлян судьба — только замысел, судьбе нужно помогать, чтобы она исполнилась.

Маша Донская. Путь обычного человека обычен: покоряешься судьбе и идёшь по ней, как Иокаста. А герой — человек избранный, у него есть миссия. Цель героя выше, и путь к ней труднее, чем у обычного человека. Вступив на него, герой должен отказаться от земного счастья.

Оля Лейкехман. Дидона поступает вопреки судьбе и поэтому не понимает Энея. Она делает то, что подсказывает сердце, а не боги.

Женя Манко. Она же не римлянка, а гречанка! И поэтому не может понять римлянина Энея.

Оля Лейкехман. Она героиня римской книги! Это не Елена и не Иокаста, у греков не могло быть таких героинь. В Греции женщины были несправны.

Учитель. Разве в греческих книгах не было героинь, сильных духом? А Антигона?

Елена Григорьевна Донская. Вот здесь и видно, сколь различны Антигона и Дидона. Для Антигоны важен закон божественный, неотменяемый. Она бы и рада послушаться веления Креонта, но Креонт противоречит велению богов. И тогда Антигона подчиняется тому закону, который для неё важнее. А Дидона живёт не по законам властителей или богов, а по законам своего сердца.

В ходе диалога подростки говорили об эйдосах героизма, образах судьбы, точке акмэ, вспоминали и стягивали в один узел многие из тех проблем, понятий, собственных идей, которые были открыты ими в работе над «Илиадой» и сталкивали их с новым римским «материалом». Восьмиклассники обнаружили в произведениях античной культуры разные, спорящие между собой идеи героизма и образы судьбы, открыли противостояние и диалог двух начал античной культуры: Греции и Рима. Столкнулись с конфликтом, образующим «трагедию» римской культуры: противостоянием двух равномошных «правд»: «правды» личного счастья и «правды» гражданского долга, подчинения своей жизни общему делу и божественному замыслу, жизни ради будущего.

Удерживают ли учащиеся в памяти свои открытия или, доставив удовольствие себе и учителю, тут же забывают? Прислушиваются ли к идеям одноклассников или сконцентрированы только на своих? Ответ на эти вопросы могут дать итоговые сочинения.

Маша Донская. Два взгляда на героизм и героев

Что такое героизм, знает далеко не каждый. Чтобы высказать свою точку зрения на этот счёт, Вергилию и Гомеру понадобилось написать по книге. Причём взгляд на героизм у этих авторов абсолютно разный.

Для греков — героизм в буйстве героев. В том, что они стремятся поступить вопреки судьбе. Для героя такой путь естествен и приятен, он несётся в бурном потоке своих чувств, не задумываясь о последствиях. Даже вниз героя подталкивают боги, а не собственный разум. Чтобы желать изменить судьбу, надо иметь колоссальную силу.

Для римлян героизм заключается в *покорности судьбе*. Героем может стать лишь избранный. У него есть в жизни некая миссия (например, Эней должен основать Рим). И герой

ради этого отказывается от относительно счастливого пути не героя. Ему приходится покоряться героической судьбе, ломать ради *Цели* своё счастье. На пути героя подстерегают соблазны жизни обычного человека, но он справляется с ними, справляется сам, без помощи богов. Вот почему любовь Энея и Дидоны обречена.

Оля Лейкехман. Вергилий и Гомер

Вергилия принято называть учеником Гомера, но почему? Конечно, Вергилий читал произведения Гомера, многое почерпнул из них, но его взгляд на мир был основан на споре с Гомером.

Герои Вергилия и Гомера совсем не похожи друг на друга. Грек готов бороться за себя и свою славу, он — разъярённый лев.

Для римского героя важна не физическая сила, а сила духа. Он должен владеть своими чувствами, уметь преодолевать свои желания. Даже женщина, которую герой любит, не повод для того, чтобы не покориться судьбе.

Совсем не похожи описания событий Гомером и Вергилием. Первому важна внешняя сторона происходящего, красота героев, поединков, оружия. Он подробно описывает их, не обращая внимания на чувства героев, ибо стремится не понять человека, а выяснить, кто такой герой. Гомер смотрит на происходящее сверху, как бог, и описывает то, на что хочет обратить наше внимание.

Вергилий не считает важной внешнюю сторону событий. Он пытается раскрыть душу героев, показать, что чувствует человек, как борется с собой, как преодолевает препятствия. Он смотрит на всё глазами обычного человека и рассказывает о событиях с точки зрения троянцев.

Вергилий всё время говорит, что не согласен с Гомером, что римлянин и грек не могут быть вместе. Если даже Вергилий и был учеником Гомера, то таким, который посмотрел, как делал учитель, и сделал так, как считал нужным.

Оля Конева. Размышления о поэтике «Илиады» и «Энеиды»

В «Илиаде» читатель не сразу осознаёт трагизм происходящего, так как он «охлаждается» размеренным метром. Ритм эпоса успокаивает читателя.

Текст «Энеиды» переполнен эмоциями. Строчки вливаются одна в другую и, как эмоции, льются непрерывным потоком.

Катя Пашинова. Размышления об «Энеиде» Вергилия

Когда идёт война, надо писать не о красоте событий (как война может быть красивой?), а о чувствах, страданиях людей, которые в ней участвуют. И Вергилий не боялся, описывая душевную боль своих героев, сделать их более мягкими.

Четвёртая книга мне понравилась больше всего. В ней Вергилий рассказал о том, когда и как был основан Рим, показал, что Эней и его потомки многим могут пожертвовать ради любви, но Рим им дороже.

Работа над «Энеидой» стала началом встречи учебного сообщества с римской культурой. Учащиеся сразу обнаружили разность греческого и римского взглядов на мир и способов понимания человека, выраженную в поэтике эпосов. Сравнивали гомеровский «божественный» взгляд «сверху», со скамьи театра и соучастный взгляд Вергилия, сопереживающего, разделяющего боль своих героев.

«Что в жизни главное?»

Каждая культура задаётся теми или иными вопросами, не находящими однозначного ответа. Зачастую они становятся «вечными», оказываются столь же актуальными для человека XXI века, какими были для породившей их культуры.

Встреча школьников с исторической культурой становится их первой встречей с этими

вопросами. Подростки учатся размышлять над ними, сталкивая в своём сознании разные «правды». Важно, чтобы этот опыт появился у ребят до того, как они столкнутся с ними в реальной жизни, до того, как над ними зависнет дамоклов меч необходимости однозначного выбора.

Форму размышления предлагает ученикам сама культура, породившая проблему. Так, размышляя над вопросом, поставленным Софоклом в «Царе Эдипе», школьники сочиняют «маленькие трагедии», размышляя над вопросами, сформулированными Платоном, пишут «философские диалоги».

Для культуры Рима одной из важнейших проблем стала проблема столкновения ценностей частной жизни и гражданского долга. Впервые подростки обратили на неё внимание, работая над «Энеидой». К этому же вопросу возвращались, читая Катулла, Цицерона, обсуждая события римской истории.

В конце «римской» части 8-го класса изучались «Любовные элегии», «Наука любви», «Скорбные элегии» и «Героиды» Овидия. «Героиды» — цикл написанных элегическим дистихом писем мифологических героинь своим возлюбленным. Среди них письмо Пенелопы Улиссу, в котором Пенелопа упрекает мужа за долгое отсутствие. Оно вновь вывело восьмиклассников на обсуждение важнейшей римской проблемы. Учащимся было предложено сочинить диалог в письмах между овидиевской Пенелопой, узнавшей о том, как Эней оставил Дидону, и Энеем, узнавшим о письме Пенелопы Улиссу.

Маша Донская. Пенелопа Энею

Я обращаюсь к тебе, о троянец, потомками славный.

Я не могу не писать — слёзы Дидоны молят.

Кажется мне недостойным покинуть любимую
страстно.

Ради чего приняла страшный Дидона конец?

Мне лишь понять все страдания и боль
карфагенской царицы —

Целая жизнь прожита от Одиссея вдали.

Только Надежда спасала меня от прощания
с жизнью.

Даже надежды, жесток, ей не оставил Эней.

Ради чего ты разрушил любовь невиданной силы?

Вёслами ради чего счастье своё расплескал?

Эней Пенелопе

Здравствуй и ты, Пенелопа, великого мужа супруга,

Горькую речь услышав, я обращаюсь к тебе.

Странно мне слышать безумную речь от жены
Одиссея.

Боги благие ведут правой дорогой меня.

Цель моя — доблестный Рим, и её не оставлю
веки,

Судьбы потомков зовут. Их я предать не могу.

Ты ж предаёшь дорогую мне память Улисса-героя!

Ради чего по морям столько скитался Улисс?

Бремя героя ненужным и праздным становится
сразу,

Если поверить тебе, речь услышавши твою.

Очень грущу я о смерти прекрасной Дидоны-царицы,

Но я не мог не уплыть — Рим величавый зовёт!

Света Савочка. Письмо Пенелопы

О, осторожный Эней, тебе эти строки дарю!

Коль не согласен со мной, а ты не согласен, я знаю,

То отвечай мне скорей, что для тебя есть главное
В жизни твоей. И не бойся спор возбуждать в этом
деле.

Я же поведаю мысль свою и, рискуя,
Я обосную её, чтобы было всем ясно.
В жизни моей важное есть лишь одно:
Любовь и преданность вместе, в целом они.
Я думаю, коль ты любишь, коль в брак вступил,
Должен ответственным быть за всё это,
Должен любить до конца, не разлучаться до смерти,
Верность хранить, несмотря ни на что.
Если же ты нарушишь хоть раз то, что естественно,
То, что богом самим и природой дано нам,
Если не будешь ты верным носителем тайны
семейной,
То обречён будешь на веки веков собою ж.
Ведь бога указ любой выполняя, противоречишь ты
правде.

Боги так же не идеальны и могут,
Словно мы, люди, вдруг ошибиться на миг.
Так что, Эней, не будь покорен богу во всём,
Слушайся чувства и сердца и не на миг не забудь
О долге перед семьёй!

Письмо Энея

О, непослушная богу, влюблённая, о Пенелопа!
Я не согласен с тобой, в этом была ты права.
Как же можно быть богам непослушным?
Главное в жизни и есть — покориться великим
богам,
То есть идти по идеальной и верной дороге.
Знаю, что надо любить верно и преданно, но
Коль божество не желает сего иль считает
неправильным это,
То послушайся его, ибо создатель он твой.
Бог сотворил тебя, значит, тобою правит лишь он,
А не заповедь жизни любовной и лёгкой.
И человек благодарен должен быть богу
Лишь потому, что бог есть прародитель всего!

Оля Конева. Пенелопа Энею

Главное в жизни — любовь и цветущие ветви
деревьев.
В изящном покое летят радужной жизни часы...

Эней Пенелопе

Я бы поверил тебе, но ведь римлян губит бесчестье,
И, забываясь, они бросаются в хаос грехов.
Как же могу о себе, государство забыв, я подумать
И, оскверняя богов, поддаться желаньям своим!
Лучше умру я за Рим, для потомков страну обретая.
Праздная жизнь губит мир, равновесье теряют
весы.

Пенелопа Энею

Не замечаешь ты жизнь, не видишь цветов ты,

ни неба.
В бешеном ритме войны гибнет всё счастье твоё.

Заключение С. Ю. Курганова

Что заставляет педагога-филолога В.З. Осетинского знакомить подростков с «Илиадой»? Ведь понятно, как это сложно и для него, и для современных подростков!

Предполагаю, что существуют, по крайней мере, два вида «интересов», которые направляют деятельность педагога при работе с произведениями исторических культур в подростковом классе.

1. *Собственно филологический интерес.* Подобно тому как психолог Жан Пиаже показал, что дошкольники видят мир пространственно-временных отношений существенно иначе, чем взрослые физики и математики, учитель-филолог обнаруживает, что ученики 7-го класса способны увидеть в «Илиаде» или «Энеиде» нечто такое, чего не видят профессиональные литературоведы и культурологи.

2. *Педагогический интерес.* При глубоком изучении произведений исторических культур и освоении культурно-осмысленных способов их чтения учащиеся меняются. Мир подростков, внутри которого присутствует «Илиада», отличается от мира подростков, в котором «Илиады» нет. Учитель формирует нового подростка, новый строй подростковой жизни.

Учащиеся не просто знакомятся с эпосом, они усваивают специфические культурные формы чтения и понимания художественного произведения. Однако *парадокс* состоит в том, что усвоение средств, которые взрослые культивируют у подростков, приводит не к простому воспроизведению этих «взрослых» средств и способов действия, а к появлению таких культурных (и возрастных) способностей (чтения и понимания произведений мировой литературы), которые не могут быть непосредственно «выведены» из взрослых норм и образцов. Культивирование и выдерживание этого педагогического парадокса — исходный замысел и смысл очерков.